

УДК 94:316.334.56(476+470) «1914 – 1917»

М. И. Старовойтов

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ В 1914-1918 ГОДАХ**

Модернизация экономики Российской империи с конца 19 в. и до 1914 г. в целом способствовала ее интенсивному развитию. Первая мировая война сильно повлияла на изменения демографического и национального состава населения России. Социально-экономическое положение в городах пограничья постоянно ухудшалось. Сильное сокращение численности населения в 1918–1920 гг. и слабый естественный прирост в 1921–1922 гг. привели к тому, что в крупных городах пограничья число их жителей в 1926 г. не достигло уровня 1914 г.

Обозначенная нами проблема до сих пор не нашла достаточного освещения в белорусской и российской историографии, хотя этому военно-революционному периоду посвящено множество научных и публицистических работ. Автором предпринята попытка, с учетом объема публикации, охарактеризовать социально-экономическое положение населения белорусско-российского пограничья (БРП) в рассматриваемый период.

Модернизация экономики Российской империи с конца 19 в. и до 1914 г. в целом способствовала ее интенсивному развитию. Однако по валовому национальному продукту на душу населения, по социальному и культурно-образовательному уровню развития абсолютного его большинства Россия заметно уступала Великобритании, Германии, США, Франции и даже Австрии. Первая мировая война резко усугубила это отставание. Догоняющий уровень развития России не способствовал тому, чтобы выдержать войну с ведущими великими державами, поэтому российский тыл рухнул первым, отмечает Д. Левин [11, с. 51].

Война сильно повлияла на изменения демографического и национального состава населения России. Резко уменьшилось количество мужчин в крестьянских хозяйствах. Всего было мобилизовано около 16 млн. человек. Примерно половина всех трудоспособных мужчин были призваны в армию (из 1 000 человек – 474). Из каждых 100 хозяйств было оторвано 60 трудоспособных мужчин, из-за чего более половины хозяйств остались без кормильцев [15, с.4]. По белорусско-российскому пограничью эти показатели оказались следующими. Из Витебской губернии было мобилизовано в армию 52,2% всех трудоспособных мужчин или 70 человек на 100 хозяйств, Могилевской – 50,7% (80 на 100 хозяйств), Орловской – 47,4% или 70 человек и от 43,9% в Смоленской – 43,9% или 60 человек [15, с. 21]. Как видим, мобилизация в армию больше повлияла на ухудшение ситуации в белорусских губерниях пограничья. В селах в своих этнических территориях БРП проживало 90-94% белорусов и до 98% русских. Их потери сказались на уменьшении численности восточнославянского этноса в регионе.

В тяжелейших социально-экономических условиях оказались беженцы, о чем имеется значительная историография. Автор уже обращал внимание на то, в какой мере беженство затронуло население белорусских губерний и, прежде всего, этнических белорусов. Точной статистики о беженцах нет. Это связано с тем, что организации помощи беженцам учитывали лишь тех беженцев и выселенцев, которые находились на их иждивении. Для получения данных о беженцах-белорусах нами проведем расчеты от 1,32 млн. до 1,8 млн. общего количества беженцев из белорусских губерний. Мы допускаем, что полученные данные от 133 тыс. до 390,6 тыс. (среднестатистический показатель – 262 000 чел.) белорусов-беженцев являются еще более приблизительными, но точных цифр пока еще никто не приводил. Если учесть, что из Минской, Витебской и Могилевской губерний беженцев было меньше в 4,23 раза, чем из Гродненской и Виленской губерний,

которые дали абсолютное большинство польских, еврейских, русских, литовских, латвийских, украинских и немецких беженцев, а из Могилевской – всего около 2 тыс. человек, то полученные нами данные о беженцах-белорусах могут оказаться еще меньшими [17, 19]. Учитывая, что иногда велся двойной учет беженцев, что в неоккупированных частях Беларуси – Виленской, Минской, Витебской и Могилевской губерниях – среди всех беженцев православные белорусы и русские составляли 101 587 чел., а католики-белорусы и поляки – 106 198 человек [10, с. 294], то можно предполагать о еще меньшем количестве этнических белорусов-беженцев, оказавшихся за пределами своей этнической территории. Нет оснований завышать численность этнических белорусов, оказавшихся в сложных и экстремальных условиях беженства. Исследовательница из Санкт-Петербурга В. С. Утгоф установила, что среди беженцев из Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и Витебской губерний значительной группой являлись белорусы [22, с. 17]. Абсолютным большинством среди беженцев из белорусских губерний этнические белорусы не были. Это подтверждается и данными по реэвакуации беженцев.

Документы по реэвакуации беженцев на родину дают основание считать, что этнических белорусов возвращалось меньше, чем представителей других национальностей. Так, за период с 12 по 31 июля 1918 г. через Оршу было отправлено в Царство Польское 10 367 человек, в Литву – 12 181 и в Белоруссию (сохранено название того времени) – 2 037 человек. За август через этот же пункт в Царство Польское отправили 9 846 беженцев-одиночек (осталось 266), в Литву – 10 899 (379), в Белоруссию – 3 381 (131), в Украину – 3 892 (1 021). В сентябре отправка этой категории беженцев количественно уменьшилась. С 1 по 16 сентября через Оршу в Царство Польское отправили 2 096 беженцев-одиночек (осталось 920), в Литву – 926 (1 803), в Белоруссию – 1 121 (481), в Украину – 2 409 (87). Зарегистрированных в Оршанской коллегии беженцев-одиночек в сентябре отправили на родину уже с указанием губерний. В 9 губерний Царства Польского отправили 2 490 человек (осталось 253), Виленскую, Гродненскую, Ковенскую и Сувалковскую Литвы – 4 008 (740), в Белоруссию (Минскую – 1 815 (374), Могилевскую – 495 (4), в Украину (губернии не указаны) – 3 132 (414) [12, лл. 58, 60-об, 61, 62]. Как видим, в Белоруссию отправлялось меньше беженцев, чем в другие регионы.

Не все могли или хотели возвращаться на родину. Только в Орше в августе-сентябре осталось 5 786 беженцев, из которых 990 должны были быть направлены в Белоруссию. Причины были

разными. Немцы при пропуске беженцев отдавали предпочтение колонистам, зажиточным, материально обеспеченным беженцам, которые могли купить подводы у германских агентов, пытались завербовать трудоспособных и чинили препятствия для реэвакуации стариков и других нетрудоспособных элементов. Они руководствовались исключительно национальными принципами, пропускают коренных поляков, литовцев. Например, через Оршу прошло к ноябрю 1918 г. 90 000 беженцев. Здесь немцы снимали отпечатки с пальцев и отправляли копии в полицейское бюро в Варшаву. В Орше присутствовали представители «новообразованных государств» Украины, Литвы, Латвии. Украинский представитель отдавал предпочтения для пропуска богатым, чем беднякам. Кто-то передумал возвращаться на родину и решил обосновываться в России, т.к. одиночки были более мобильными. Как видим, белорусы здесь не указаны среди беженцев. Не было в пунктах отправки и представителей от Белоруссии.

На первой конференции представителей коллегий о пленных и беженцах Западной области в начале августа 1918 г. было указано, что конференция констатировала, что общего плана реэвакуации нет. Цифра в 2 500 000 беженцев, которых надо эвакуировать, касается оккупированных территорий и в значительной мере преувеличена. Часть уехала неорганизованно, часть беженцев пожелает остаться в России. Многие изъявили желание уехать из Советской России из-за гражданской войны реквизиций, конфискаций, национализаций и других социальных опытов. Их не надо считать беженцами, а причислять к буржуазии, которая не хочет мириться с советскими порядками. Реэвакуация не может продолжаться 1,5 года [14, лл. 13, 14-об, 15, 16, 16-об, 17 – 17-об.-18-18-об].

Хотя состояние источников не дает возможность выразить в цифрах точные размеры беженства, но в этих процессах белорусам, в абсолютном большинстве крестьянскому населению, была присуща своя специфика. Их было меньше в общем количестве беженцев из Белоруссии и размещались они в основном в уездах, а не в городах как евреи, поляки, литовцы и др.

Компаративистский анализ проблемы позволил впервые в белорусской историографии путем логически аргументированных расчетов получить достаточно адекватные абсолютные показатели о количестве белорусов-беженцев от общего числа беженцев из Белоруссии. В годы Первой мировой войны беженство и депортации оказали влияние на естественный и механический прирост населения,

но они не привели в целом к значительному уменьшению абсолютной численности белорусов в местах их этнических территорий.

Самодержавный строй не смог разрешить непримиримые внутренние противоречия, которые до крайности обострились в годы войны. Социально-экономическое положение населения и в неоккупированных белорусских губерниях, и в соседних российских губерниях резко ухудшалось с одинаковыми последствиями.

Даже такая достаточно высококвалифицированная и имеющая более высокие заработки часть рабочего класса России как рабочие железнодорожных мастерских, военных заводов оказались в эпицентре революционных событий. Это хорошо видно на примере рабочих Гомеля и Брянска.

В городах этого большого пограничного прифронтового района численность населения значительно выросла за счет военнотружущих, мобилизованных и вольнонаемных рабочих, беженцев. Она составила в Витебске 130 тыс., Минске – 200 тыс., Могилеве – 86 тыс., Гомеле – 150 тыс., на Брянском заводе (так в документе, а не г. Брянск) – 80 тыс., Смоленск – 86 тыс. [5, с. 1–3]. Численность же бывших постоянных жителей уменьшилась. Так, по данным переписи 1917 г. численность населения г. Гомеля составила 64 756 чел. [4, с. 4, 5, 17, 19].

Социально-экономическое положение в городах пограничья постоянно ухудшалось. С лета 1915 г. начало расти забастовочное движение рабочих, экономические и политические требования которых становились все более решительными. Этим воспользовались большевики и усилили свое влияние на рабочий класс.

Гомельские железнодорожные мастерские (ГЖМ) были одним из самых крупных предприятий Белорусского района. В 1914 г. в них работало 1 500 человек. Мастерские и в целом железнодорожный узел как градообразующий фактор ускорили развитие г. Гомеля. Социально-культурный облик железнодорожников, рабочих депо и мастерских требовал постоянного повышения, что обуславливалось профессиональной деятельностью. К 1913 г. среди рабочих мастерских и депо Белоруссии было 87,6% грамотных. С конца XIX в. на ст. Гомель действовала больница (хирургическое, терапевтическое и венерическое отделения). Однако только 8 врачей, 1 помощник врача и 30 фельдшеров обслуживали эту больницу и 7 врачебных участков всей Либаво-Роменской железной дороги. Это не могло удовлетворять потребности, как железнодорожников, так и пассажиров. Заработная плата рабочих и служащих мастерских и депо Белоруссии за 1900–1913 гг. увеличивалась на 18,4%. В среднем она

составляла 30 руб. 56 коп. в месяц и была на 42,6% выше, чем у рабочих промышленности. Но этого не хватало для нормального пропитания семьи. [7, с. 175-177. 192, 195].

Тяжелые условия труда и быта, 13-14 часовой рабочий день, не всегда качественные продукты питания (и по завышенным ценам), которые рабочие приобретали в магазине мастерских по «заборным картам» с последующим вычетом зарплаты, болезни, травматизм вызывали постоянное недовольство среди рабочих. Социально-экономическое положение резко ухудшила начавшаяся война. В 1915 г. в Гомель эвакуировали Либавские мастерские с людьми и оборудованием. В двух построенных зданиях барачного типа разместили оборудование. Для семей эвакуированных рабочих был построен «Либавский городок» из 14 бараков [13].

В 1916 г. в Гомеле скопилось большое количество воинских частей, автомобильный, воздухоплавательный, артиллерийский парки, воинские склады и базы. Действовал пересыльный пункт. Были развернуты госпитали. Насчитывалось большое количество военных. Около 10 000 – 14 000 тыс. мобилизованных мастеровых и рабочих из Москвы, Петрограда, Урала, Сибири и других регионов России [20, с. 85].

Культурно-образовательный уровень рабочих и служащих мастерских, железнодорожников, их уровень материального благосостояния, хотя и был выше, по сравнению с другими категориями населения, но большая часть рабочих и железнодорожников оказались во главе и гуще революционных событий 1917 г. ГЖМ становятся центром борьбы рабочих Гомеля за свои права. В мастерских была создана социал-демократическая группа Полесского комитета РСДРП (б). Экономические требования все чаще стали дополняться и политическими. Рабочие мастерских избрали своих представителей в состав милиции, активно готовили и участвовали в первомайской демонстрации, в июльских выступлениях рабочих, в борьбе с корниловщиной. После получения известия о переходе в Петрограде власти в руки Советов рабочие-железнодорожники на многотысячном митинге выступили против передачи власти в Гомеле «Украинской раде». Они поддержали большевиков: представителя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов А.И. Жилина и фронтовик Берзина. Рабочие в составе красногвардейских отрядов включились в конце 1917 г. в нормализацию жизни на транспорте и в городе [13; 21, с. 248].

Не лучшим положение было и на предприятиях Брянщины. Весной 1914 г. бастовали 8 тыс. рабочих Брянского завода в Бежицах,

который выпускал военную и сельскохозяйственную продукцию. Рабочие Дятьковского хрустального завода требовали 8-часового рабочего дня и отмены выдачи зарплаты «харчами». Участвовали в забастовках работники Мальцевской железной дороги [8, с. 56].

В Брянск война пришла вместе с мобилизационными повестками и эшелонами раненых. В городе и уезде действовало 22 госпиталя. Проблему усугубляли десятки тысяч беженцев, которые в 1915 г. добавились к 30 тыс. населению Брянска. Ситуация осложнилась весной 1916 г., когда города остались без хлеба и начались перебои в снабжении солью и керосином. Нарастало забастовочное движение, которое развернулось на многих предприятиях. Эпицентром стал Брянский завод, где с 23 марта до начала мая 1916 г. произошла самая крупная забастовка в России. На работу не вышли все 16 тыс. человек. Был создан Совет рабочих уполномоченных, в который вошло 38 представителей от цехов. Рабочие выдвинули не только социально-экономические требования, но политические – прекращение войны. В ходе следствия было установлено, что требования рабочих по зарплате были справедливыми, т. к. зарплата «была действительно очень низка». Требования частично удовлетворили, но начались репрессии. На фронт отправили 2 тыс. военнообязанных, а 7 тыс. человек уволили. Обстановка на Брянском заводе оставалась напряженной. Власть не могла дать ни хлеба, ни мира и начала воевать против собственного народа [8, с. 71, 73, 75–76].

Многотысячные демонстрации 1 мая 1917 г. прошли в Брянске и Бежице. После июльских событий в Петрограде и разгрома корниловского мятежа большевики стали получать поддержку не только у рабочих, но и у солдат различных воинских частей, дислоцированных на Брянщине. Это подтвердила и Орловская губернская конференция большевиков, которая состоялась именно в Брянске 22–25 сентября 1917 г. Экономическое положение на Брянщине продолжало ухудшаться. Острая нехватка продовольствия привела к резкому росту спекуляции, с которой местная власть уже не могла справиться. К началу октября большевики заняли ключевые позиции в Советах Брянска и Бежицы. На солдатских собраниях принимались решения о передаче власти Советам. Опасаясь дальнейшей большевизации армии, Главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балувев 14 октября отдал приказ о расформировании воинских частей Брянского гарнизона. Исполком Брянского Совета принял решение не исполнять этот приказ. После

событий в Петрограде переход власти к большевикам в Брянске произошел раньше, чем в других городах России [8, с. 85–88].

Общеизвестно, и это не надо забывать, что женщины Петрограда начали 22–23 февраля бунт и потребовали «Хлеба!». Затем на сторону рабочих перешли солдаты, которые отказались стрелять в женщин. Продовольственная проблема оказалась самой острой именно в городах. По данным Всероссийского союза городов, в 60 городах России, в т.ч. Минске, Витебске, Могилеве, Гомеле в январе 1917 г. назревал голод, т.е. не было «ни хлеба, ни мяса, ни топлива». Николай II в рескрипте от 6 января 1917 г. обязывал правительство обеспечить армию продовольствием и снизить продовольственные трудности в тылу, надеясь, что Госсовет и Дума помогут правительству [9, с.111]. Но этого не произошло. Ц. Хасегава отмечает, что власти не способны были «согласовать интересы конкурентов в продовольственном снабжении» и считает, что Г. М. Катков «доказывал, что власти демонстрировали чудовищную неумелость, недальновидность, слабонервность, бестолковость и отсутствие руководства... Эта некомпетентность никоим образом не случайна, но укоренена в структурной слабости самого режима» [23, с. 61, 63].

Не решило продовольственную проблему и Временное правительство. Осенью 1917 г. в России, в т.ч. и Белоруссии (название общепринятое в то время) сложилось катастрофическое положение в экономике, вновь назревал голод. В начале августа Минский городской продкомитет констатировал, что на складах нет запасов муки и нет надежд на ее получение. В октябре в городе выдавали по 3 фунта хлеба на 2 недели на человека. Ни введенная в 1916 г. царским правительством продрозверстка, ни введенная Временным правительством государственная монополия на хлеб не решали продовольственного кризиса [9, с. 117].

Помимо существовавшей земской программы собирания сведений о видах на урожай Особым Совещанием по продовольствию была введена отдельная программа сбора сведений о состоянии хлебов на каждое 1 и 15 число месяца в течении лета 1916 г. На лето 1917 г. была введена программа Министерства продовольствия. Порядок получения сведений был признан удовлетворительным [3, лл. 25-об, 32.]. Хлеба от этого больше не стало. С мая-июня началось введение продуктовых карточек. Положение в сельском хозяйстве катастрофически ухудшалось. Женщины, старики и дети не могли заменить мужчин мобилизованных в армию.

Временное правительство и после ликвидации мятежа продолжало деятельность, направленную на подавление демократических свобод и

разгром революционного движения. Его антинародная политика в области экономики привела осенью страну почти к катастрофе. Пришел в упадок транспорт, промышленные предприятия закрывались, росла безработица и дороговизна. Запасы продовольствия кончались. 25 сентября комиссар Минского военного округа направил министру продовольствия и Верховному главнокомандующему телеграмму, в которой предупреждал о приближении голода. В Минске в октябре на человека выдавалось по 3 фунта хлеба на две недели. Не лучшим было положение и в других городах Белоруссии. 13.09 председатель Могилевского продовольственного комитета сообщал министру продовольствия о тяжелом положении с продуктами в губернии, о возможных в связи с этим волнениях. Даже буржуазная пресса писала о продовольственном кризисе в Гомеле, Витебске, Могилеве и других городах. Причиной такого положения были не только империалистическая война, которая все еще продолжалась, и вызванный ею разлад хозяйства. Буржуазия и помещики сознательно вели дело к обострению экономической разрухи, организовали саботаж на производстве, надеясь экономической катастрофой положить конец революционному движению. Однако реакции не удалось подавить революционное движение с помощью голода и безработицы. Борьба с корниловским мятежом и экономическая катастрофа, которая надвигалась, в значительной мере ускорили «полевение» масс и способствовали усилению классово-политической борьбы. Влияние большевистской партии на массы быстро росло [20, С. 84–85].

В начале октября 1917 г. валовая продукция цензовой промышленности Витебской и Могилевской губерний составила 54,4% от уровня 1913 г. [9, с. 117]. Многие заводы и фабрики останавливали работу, либо вообще закрывались. В Брянске в основном работали только заводы, где выполнялись военные заказы.

Война усугубила положение трудящихся масс, как города, так и села. По мнению В. Булдакова непреодолимые противоречия между запоздалой, неравномерной и болезненной модернизацией и отсталым полуфеодальным социально-политическим устройством государства погубили Российскую империю в 1917 г. [2].

Попытка адаптировать население к тяготам и лишениям военного времени и патриотического поддержания войны до победного конца в условиях разлагавшейся системы управления не дали желаемого результата. Тяжелейшее социально-экономическое положение в стране вывело рабочих на улицы и сделало их активными участниками Российской революции 1917 г. Значительная часть крестьянства в лице солдатской массы стала активным

участником революционных событий 1917 г. Это одна из главных причин победы большевиков.

Н. А. Бердяев, который неприязненно относился к В. И. Ленину и большевикам считал, что «революция октябрьская есть настоящая народная революция в ее полном проявлении». В фундаментальной работе «Истоки и смысл русского коммунизма» он определил основную причину революции: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу – крестьянству, воспринимавшему как мир другой расы, иностранцев» [1, с. 111].

Профессор МГУ В. П. Смирнов на основании анализа значительного количества совокупных фактов делает вывод: «В конце 1916 – начале 1917 гг. в России наступил глубочайший экономический и политический кризис. Колоссальные потери, развал экономики, недостаток продовольствия вызвали недовольство во всех слоях общества. Армия устала воевать. Солдаты больше не хотели умирать «за веру, царя, Отечество» [16, с. 5, 69].

Война забрала не только людские силы, но и огромную долю народного дохода. Комиссией по обследованию санитарных последствий войны было установлено потери. Россия потеряла за время войны 775 400 человек убитыми. Различные увечья получили 348 500 человек. Примерно половина мобилизованных получили ранения разной степени тяжести. Почти 3,5 млн. человек томились в плену в австрийских и германских лагерях. Это только одна часть народных бедствий, вызванных войной. Уменьшилась рождаемость и увеличилась смертность населения. Материальное благосостояние ухудшилось из-за беспрерывных реквизиций, ослабления хозяйств, при отсутствии рабочей силы и разрушений их в зоне военных действий. На общем физическом состоянии населения сказалось то, что около 50% участников войны был нанесен значительный ущерб здоровью [15, с. 5].

За 40 месяцев войны на душу населения (с учетом обесценивания денег к концу 1917 г. в 3 раза) пришлось 180 руб. военных расходов, а на хозяйство в среднем вышло 1 500 руб. В мирное время крестьянское хозяйство со всем его скарбом оценивалось при самых лучших условиях в 500 руб. За 4 млн. лошадей, повозки и упряжь для армии населению уплатили 400 млн. руб., а пособиями солдатским семьям за годы войны выплатили 5 715 млн. руб. К 1918 г. долг России достиг 65 млрд. руб., т.е. более

половины национального богатства. На душу населения приходило 361 руб. [15, с. 6].

Сильное сокращение численности населения в 1918 – 1920 гг. и слабый естественный прирост в 1921 – 1922 гг. привели к тому, что в крупных городах пограничья (по нашим подсчетам) число их жителей в 1926 г. не достигло уровня 1914 г. [18, с. 135].

В этих людских потерях и материальных затратах есть трагическая и затратная доля населения белорусско-русского пограничья. Материальное положение и социально-культурный облик населения резко понизились. В начале 1920-х годов население пограничного региона и, прежде всего белорусской его части, оказалось в условиях экономического, социального и духовного кризиса, который был вызван последствиями Первой мировой войны, гражданской войны, германской и польской оккупацией. В таком состоянии население начинало новые социалистические преобразования.

Список источников и литературы

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – СПб.: Азбука СПб, 2016. – 224 с.
2. Булдаков, В. Вся история России – это движение от смуты к смуте // [lenta.ru>articles/2016/04/10/revolution/](http://lenta.ru/articles/2016/04/10/revolution/). Дата доступа 23.10.16.
3. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). Ф. 1. Оп 1. Д, 1.
4. Городская перепись 1917 г. Могилевская губерния. – Могилев: Тип. И. Б. Клаза и М.Л. Кагана, 1918 – 64 с.
5. Известия Особого Совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. – № 88. – 1917. – 23 авг.(5 сент.). – С. 1–4.
6. Известия Особого Совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. – № 90. – 1917. – 27 авг.(9 сент.). – С. 1–3.
7. История Белорусской железной дороги. Из века XIX – в век XXI / В.В. Яновская и др. – Минск: Маст.літ., 2012. – 955 с.
8. История Брянского края. XX век. / Ответ. ред. В. В. Крашенинников. Клинцы, 2003. – 450с.
9. Казлякоў, У. Я., Шашкевіч, М.С. Рэвалюцыйны 1917-ы год. Стварэнне беларускай дзяржаўнасці // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск: БелЭн, 2000. С. 111–124.
10. Лапановіч, С. Ф. Бежанцы з Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1915-1917 гг.) // Европа: актуальныя праблемы

этнокультуры : материалы II Междунар. науч.-теорет. конф., . Минск, 25 апр. 2008 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В. В. Тугай (отв. ред) [и др.]. – Минск: БГПУ, 2008 . – С. 292–295.

11. Ливен, Д. Россия, Европа и Первая мировая война // Критический словарь Русской революции: 1914 – 1921 / Сост. Э. Актон и др. – СПб: Нестор-История, 2014. – С. 52–60.

12. Материалы (приказы, циркуляры, отчеты) об образовании и деятельности коллегии о пленных и беженцах Западной области за 1918 год // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. Р–161, Оп.1, Д. 446.

13. Музей ЗАО «Гомельский вагоноремонтный завод». История возникновения и развития Главных Гомельских мастерских. Машинопись. Глава IV. 1917 год. Б. н. стр.

14. Протоколы заседаний коллегии Западной области о пленных и беженцах. – ГАСО. – Ф. Р-161, Оп.1, Д. 445.

15. Россия в мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах). – М., 1925 – 101.

16. Смирнов, В.П. Две войны – одна победа. – М.: АСТ-Пресс, 2015. – 414 с.

17. Старовойтов, М.И. Миграционные процессы в белорусско-российско-украинском пограничье (конец XIX – 1917г) // Журнал международного права и международных отношений / М. И. Старовойтов – 2008 № 3. – С. 41–48.

18. Старовойтов, М.И. Изменение национального состава населения Белорусско-Российско-Украинского пограничья в условиях геополитических конфликтов (1917 – 1920 гг.) / М. И. Старовойтов // Романовские чтения-9: сб. статей Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Н. М. Пурышевой. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2013. – С. 134–137.

19. Старовойтов, М. И. Белорусские беженцы в российских городах и губерниях в 1915-1918 годах/ Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.). Сб. материалов международной науч. конф. / под общ. ред. В. А. Веремко. – СПб. : Культурно-просветительское товарищество, 2017. – С.232–238.

20. Старовойтов, М. И. Белоруссия в 1917 / М. И. Старовойтов // Россия в 1917 году: энциклопедия / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С.83–86.

21. Старовойтов, М. И. Гомельские паровозные и вагонные мастерские // Россия в 1917 году: энциклопедия / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С.247–248.

22. Утгоф, В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: Автореф. дис ... канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 21 с.

23. Хасегава, Ц. Февральская революция // Критический словарь Русской революции: 1914 – 1921 / Сост. Э. Актон и др. – СПб: Нестор-История, 2014. – С. 60–71.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ